

Правую руку с мечом переложив в левую, Лу Сяофэн сменил стиль, превратив его в невероятно медленный и неудобный. Цин Цю не успел среагировать, несколько ударов прошли мимо, и он чуть не поранил себя сам. Взглянув на Лу Сяофэна, он заметил, что тот изменил и шаги: теперь он двигался левой ногой вперёд, а правой — назад, словно двигаясь в странной, неестественной манере, одновременно используя руки и ноги. Несколько раз изогнутый меч Цин Цю скользнул мимо его талии, лишь задев одежду, а Лу Сяофэн в какой-то момент уже успел вывернуться.

Он подошёл ближе:

— Ты закончил? Теперь моя очередь.

Уклонившись от последнего удара «Новой Луны», Лу Сяофэн коснулся носком земли, в воздухе его тело словно треснуло, кости встали на место, и в тот же миг меч сверкнул в его правой руке. Только что медленные шаги вдруг ускорились, и, не успев коснуться земли, он двинулся вперёд. Меч опережал тело, направляясь прямо к груди Цин Цю.

Иллюзия, созданная Цин Цю, ещё не рассеялась, и он как раз собирался убрать меч. Если бы он отступил, ему пришлось бы бросить оружие, но, оставив меч, он бы проиграл, ведь в схватке сильных потеря оружия равносильна поражению.

Лу Сяофэн был слишком быстр, чтобы дать ему время на раздумья. В мгновение ока холод металла проник сквозь тонкую ткань, пробудив ясность в уме Цин Цю.

— Ты проиграл не потому, что я пришёл, а потому что сам не веришь в то, во что веришь.

Лу Сяофэн держал меч обеими руками, его повреждённый кончик упирался в грудь Цин Цю. Если бы он приложил чуть больше силы, перед ним уже лежал бы труп.

Цин Цю поднял голову, смотря на него с недоверием, словно не мог поверить в своё поражение, и, казалось, был шокирован его словами.

— Если бы ты бросил меч, я бы не выиграл так легко, — Лу Сяофэн взглянул на изогнутый меч в правой руке Цин Цю. — Ты всю жизнь жил по заветам предков, но в душе у тебя множество сомнений, которые ты отрицаешь, успокаивая себя несуществующими слухами. Даже в такой маленькой схватке ты не смог решиться на выбор. Такая нерешительность, постоянные сомнения — как ты можешь достичь великих дел?

Лицо Цин Цю стало серым.

Всего за несколько дней противник понял его настолько глубоко. Как можно не проиграть?

— А где потомок Алого Пера? — спросил Лу Сяофэн. — И твой брат Цин Е? Что ты поручил ему сделать?

— Лу Сяофэн, — Цин Цю поднял голову, его нахмуренные брови разгладились, и даже глубокая морщина, казалось, исчезла. На его губах появилась улыбка, словно он наконец обрёл свободу, но в ней была и странная надежда. — Когда явится Хаос, демоны заполонят мир. В день, когда демоны повсюду, где будешь ты? В царстве мёртвых я буду ждать тебя!

С этими словами он бросился вперёд, кровь брызнула во все стороны. Всю жизнь он не улыбался, но ушёл с улыбкой на лице.

Лу Сяофэн отступил, отпустив меч, и, встряхнув рукой, покачал головой, глядя на тело:

— Кому нужны твои упрямые ожидания? У меня теперь есть тот, кому я принадлежу.

Смерть Цин Цю привела к полному разгрому его оставшихся людей, которые, увидев, что шансов на победу больше нет, одновременно покинули поле боя, обменялись взглядами и подняли мечи, чтобы покончить с собой.

Полный разгром, полное поражение.

— Князь Юньлю был великим героем, и его тело, покрытое бамбуками, осталось в чистоте, но его потомки лишь добавили ему грехов, — Хуа Маньлоу вздохнул.

— Люди не могут все жить ясно и понятно, — Лу Сяофэн подошёл и похлопал его по плечу. — Именно потому, что в этом мире есть разные люди, радости и печали случаются часто, жизнь и становится разнообразной. Если бы это был просто стоячий водоём, какой смысл был бы жить?

— Ерунда, — Хуа Маньлоу ударил его веером по руке.

— Ерунда, но ты слушаешь, — Лу Сяофэн, следуя древней мудрости, что удары — это проявление любви, с радостью принял это. — Или, может, ты слушаешь, потому что это я говорю?

Хуа Маньлоу знал, что Лу Сяофэн любит сладко говорить, но не ожидал, что он сможет так ловко выкрутиться. Не выдержав, он охладил его пыл:

— Хотя Цин Цю и его люди повержены, Бамбуковое море разрушено, горы обрушились, и это, несомненно, вызовет бесконечные последствия. Это дело далеко не закончено. Неужели у великого мастера Лу Сяофэна, с его острым языком и хитрым умом, есть хороший план?

В Шучжуне больше всего ядовитых насекомых и змей. Раньше мы только боялись, что уничтожение бамбуков станет дурным предзнаменованием, которое вызовет засуху и нашествие насекомых. Теперь, когда горы обрушились, можно с уверенностью сказать, что ядовитые твари расплодятся.

— Это дело не срочное, давай сначала разберёмся с другим, — Лу Сяофэн взял его за руку и потащил за собой. — Когда мы закончим с этим, дела в Шучжуне будут завершены, и тогда я найду хорошее место, чтобы задать тебе вопрос.

— Я ведь могу идти сам, зачем тянешь? — Редко чувствуя себя растерянным, Хуа Маньлоу был крепко схвачен, и их, спорящих, вытащили из Мучуаня.

Когда нужно, он тут как тут, а после боя даже слова не скажет. Симэнь Чуйсюэ бросил взгляд на спины этих двух негодяев и направился в горы, где, сделав несколько шагов, подошёл к Юй Си, который копался в земле, и вытащил его. Юй Си, занятый спасением людей, был раздражён вмешательством, и его грязное лицо чуть не вспыхнуло от гнева:

— Ты что, ослеп? Не видишь, что я занят важным делом? Если что-то есть, скажи позже!

— Рука поранена.

Симэнь Чуйсюэ, словно фокусник, достал белоснежный платок и бросил его на лицо Юй Си, закрыв его вызывающий взгляд, а затем высыпал на руку порошок для остановки крови, словно

он ничего не стоил.

— Ты что, хочешь умереть от глупости?! — Юй Си сорвал платок, корчась от боли. — Сначала нужно обработать рану, а потом наносить лекарство, понимаешь?! Если моя рука будет испорчена, ты будешь меня содержать?!

— Мы встречались раньше? — Симэнь Чуйсюэ остановился, отпустив его, и спросил.

Юй Си не стал спорить, вытирая лицо платком, он спокойно покачал головой, как маятник:

— Нет! Абсолютно нет!

— У тех, кто меня обманывает, только один конец.

Симэнь Чуйсюэ умел угрожать, просто касаясь своего меча.

Юй Си побледнел, не то от того, что вытер лицо, не то от страха.

— Сначала спасаем людей, потом поговорим.

Он услышал, как его голос стал менее уверенным, и ущипнул себя за ногу:

— Юй Си, Юй Си, ты ведь видал многое, как же ты не можешь оставаться стойким перед угрозами?

Симэнь Чуйсюэ подумал и согласился.

Затем началась масштабная спасательная операция. Поскольку главные фигуры, такие как Цин Цю, были либо убиты, либо захвачены, всё прошло гладко, и благодаря грамотному руководству Син Чаоэня и главы округа Маху, всё шло своим чередом.

Тем временем Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу поспешили обратно в Клан Тан. Уже стемнело, и в доме, который должен был быть пуст, теперь мерцали одинокие огоньки, что было довольно жутко.

— Видишь, как можно не держать тебя за руку? Вдруг упадёшь? — Лу Сяофэн с уверенностью держал руку, которую не отпускал уже долгое время, и она была такой удобной, что ему совсем не хотелось её отпускать.

— Люди с гладкими языками — самые ненадёжные.

Слова Хуа Маньлоу были намёком на то, что Лу Сяофэн ранее просил его доверять ему, но тогда он не ответил.

— Люди с гладкими языками — самые ненадёжные, но я не из таких, — великий мастер Лу был самокритичен. — С другими я могу поспорить, но с тобой, Хуа Цишао, я всегда проигрываю. Даже дядюшка Юнь знает, что Лу Сяофэн обречён попасть в ловушку Хуа Маньлоу.

— Я не хочу, чтобы ты проигрывал.

В глазах Хуа Маньлоу промелькнула тень печали, и это было именно то, чего он боялся. Он не хотел, чтобы его чувства заставляли Лу Сяофэна идти против своей воли. Двое вместе должны быть самими собой, и если кто-то чувствует принуждение, однажды это разрушит былую любовь.

— А ты откуда знаешь, что я не хочу проигрывать? — Лу Сяофэн обвил его волосы вокруг пальца, а ветер поднял его собственные, и они сплелись воедино. — Я никогда не думал, что встреча с тем, кого действительно люблю, станет обузой. Если любишь, то обуза становится желанием.

Хуа Маньлоу молчал, опустив глаза, но в них была бесконечная нежность.

Какая подходящая атмосфера для поцелуя, и не поцеловать сейчас было бы просто преступлением.

Но Лу Сяофэн совершил это преступление, потому что рядом были зрители, и не один.

— Дядюшка Юнь, что вы делаете?

Он посмотрел назад, где Тан Цю с покрасневшим лицом был прижат к стене дядюшкой Юнем, который прикрывал ему рот, а сам сидел рядом с выражением разочарования.

<http://bllate.org/book/16229/1458510>